

Гістарычная БРАМА

Нацыянальна-гаспадарчы ўніверсітэт Рэспублікі Беларусь
УА "Палескі дзяржаўны ўніверсітэт"
БІБЛІЯТЭКА
ІНВ. № _____

Выдаецца два разы ў год

Год заснавання 1997

Галоўны рэдактар
Аляксандр Ільін

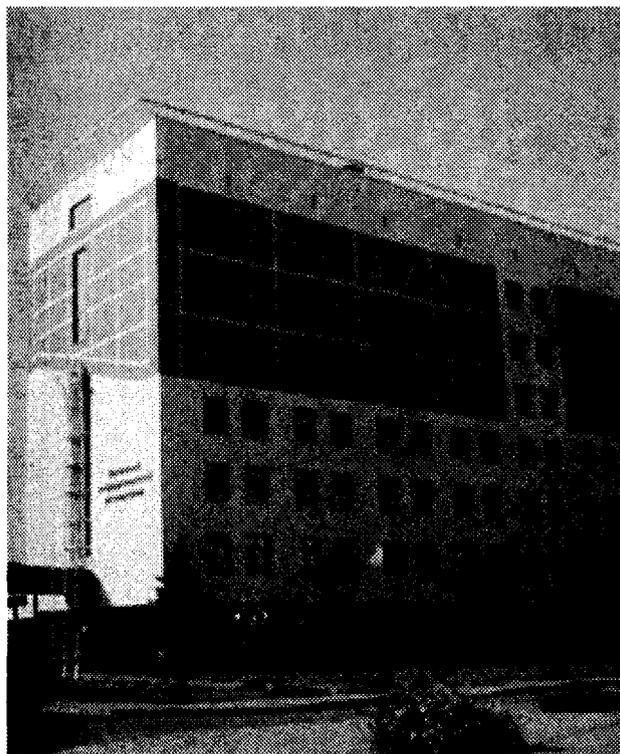
Адказны сакратар
Мікалай Сінкевіч

Намеснікі галоўнага рэдактара:

Святлана Марозава - доктар гістарычных навук, прафесар кафедры гісторыі Беларусі Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта (Гродна)

Вольга Шарая - доктар філалагічных навук, вядучы навуковы супрацоўнік Інстытута мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору НАН Беларусі (Мінск)

Анна Энгелькінг - доктар гуманітарных навук, вядучы навуковы супрацоўнік Інстытута славістыкі Польскай акадэміі навук (Варшава, Польшча)

Вучэбны корпус №2
Палескага дзяржаўнага ўніверсітэта

Рэдакцыйная калегія:

Аляксандр Вабішчэвіч - кандыдат гістарычных навук, загадчык кафедры гісторыі культуры і рэлігіі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта (Брэст)

Андрэй Гарбацкі - доктар гістарычных навук, прафесар кафедры гісторыі культуры і рэлігіі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта (Брэст)

Іван Дзюба - доктар філалагічных навук, акадэмік НАН Украіны, лаўрэат дзяржаўнай прэміі Украіны (Кіеў, Украіна)

Фёдар Клімчук - кандыдат філалагічных навук, лаўрэат дзяржаўнай прэміі Беларусі (Мінск)

Юрый Лабынцаў - доктар філалагічных навук, дырэктар Цэнтра беларусазнаўчых даследаванняў Інстытута славяназнаўства РАН (Масква, Расія)

Адам Мальдзіс - доктар філалагічных навук, лаўрэат дзяржаўнай прэміі Беларусі, аглядальнік газеты "Беларусь сегодня" (Мінск)

Несцярчук Леанід - кандыдат гістарычных навук, галоўны спецыяліст па ахове гісторыка-культурнай спадчыны ўпраўлення культуры Брэсцкага абласнога выканаўчага камітэта (Брэст)

Мікалай Прыгодзіч - доктар філалагічных навук, загадчык кафедры гісторыі беларускай мовы БДУ (Мінск)

Васіль Сенкевіч - доктар філалагічных навук, загадчык кафедры беларускай і рускай моў з метадыкаю выкладання (Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт)

Войцех Слешыньскі - доктар гістарычных навук, віцэ-дырэктар Інстытута гісторыі (Беласток, Польшча)

Алесь Смалянчук - доктар гістарычных навук, прафесар кафедры тэорыі і гісторыі права Беларускага інстытута правазнаўства (Гродна)

Міхась Тычына - доктар філалагічных навук, загадчык аддзела тэорыі літаратуры Інстытута літаратуры НАН Беларусі (Мінск)

Ігар Чаквін - доктар гістарычных навук, вядучы навуковы супрацоўнік Інстытута мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору НАН Беларусі (Мінск)

Змест

Гісторыя і краязнаўства

- 4 **Александр Ильин**
Панславист Лев Сапега и библиотека Ивана Грозного
- 20 **Павел Товпик**
Родословная Гамшеев - первых владельцев Берёзы
- 25 Реестр древних актов книг Картуз-Берёзского монастыря
- 26 **Сергей Кнырович**
Берёза во времена Северной войны
- 33 Як адны разбуралі кляштар, а другія спрабавалі яго ратаваць
- 49 **Николай Синкевич**
Судьба погребения Казимира Леона Сапеги
- 54 О состоянии и охране руин картузианского монастыря в межвоенной Польше
- 56 **Александр Голуб**
К истории Берёзовской униатской церкви отцов картузов
- 61 **Юрий Лабынцев, Лариса Щавинская**
Записка об обряде подляшских униатов
- 68 **Александр Ильин**
Влодки и Окинчицы - повстанцы с Берёзовщины
- 74 Воспоминания Александра Окинчица

Этнаграфія і фалькларыстыка

- 80 **Ольга Шарая**
Западнополесский обряд Куст: социокультурные особенности и символика
- 93 **Сафроній Жлоба, Павел Корнеў**
Месца і роля рэлігіі ў этнічнай культуры насельніцтва Палесся

Культура і мастацтва

- 102 **Василий Пуцко**
Резная деревянная икона пинского князя
- 111 **Евгений Днепровский**
Новые материалы о Наполеоне Орде и его семье
- 115 **Алена Ігнацюк**
Архітэктурныя помнікі Заходняга Палесся ў пейзажах Напалеона Орды

Філалогія

- 120 **Лена Леванцэвіч**
Этналінгвістычны змест моўнай адзінкі *сарока*
- 124 **Фёдар Клімчук, Анна Энгелькінг, Эльжбета Смулкова**
Уступ да Палескага архіва В. Л. Вярэніча
- 137 **Вячаслаў Вярэніч**
Матэрыялы да палескага слоўніка

ГІСТОРЫЯ І КРАЯЗНАЎСТВА

Панславист Лев Сапега и библиотека Ивана Грозного

Сапежинское Полесье

Жизнь и деятельность великого всеславянского государственного и политического деятеля Льва Сапег (1557 — 1633) тесно связана и с Полесьем, на котором находились многочисленные его земельные владения. Так, король Сигизмунд III, отмечая заслуги Льва Сапег и большие его затраты в войне, в 1615 году дал ему в пожизненное владение Шерешевскую волость, в следующем году — город Брест, а вскоре и всю большую и прибыльную Брестскую экономию. “У шэрагу сапегаўскіх уладанняў Берасцейскае староства у XVI — XIX стагоддзях належала да самых прэстыжных ды прыбытковых. За валоданне гэтай часткай дзяржаўнай маёмасці Сапегі вялі жорсткую канкурэнтную барацьбу з Радзівіламі, Агінскімі, Валовічамі ды іншымі шляхецкімі родамі на працягу ўсяго існавання ВКЛ. Справа ў тым, што асноўныя правы на Берасцейскае староства заўсёды захоўваў за сабой кароль Рэчы Паспалітай. І толькі на пэўны час, за вызначаную суму альбо паважныя заслугі перад дзяржавай, кароль перадаваў яго розным магнацкім сем’ям ВКЛ. Менавіта такім чынам у 1616 годзе канцлер Леў Сапега атрымаў староства на шасцігадовы тэр-

мін, а ўжо ў 1624 годзе з невядомай прычыны пераступіў яго Радзівілам, што праўда вярнуў у 1633-м. Гэтыя мудрагелістыя камерцыйныя аперацыі ажыццяўляліся неаднойчы” [13, с.17].

Принято считать, что у знаменитого канцлера Великого Княжества Литовского (ВКЛ) было две резиденции: Слоним и Ружаны. Однако по праву третьей его резиденцией можно считать и Брест, где в своем дворце Лев Сапега работал над знаменитым «Статутом ВКЛ», в предисловии которого имеется его запись: «Пісан у Берасцю лета ад нараджэнья сына Божего 1588 месяца декабря, 1 дня.» Не жалел канцлер средств на украшение любимого города — построил в нем «касцёл св. Ганны і св. Яна (аа. бернардынаў) і касцёл Сэрца Ісуса (аа. езуітаў), над якім супраць усіх канонаў быў усталяваны герб рода Сапежанскага, услаўленага Андрэем Рымшам” [22].

Истоки панславизма

Для того чтобы раскрыть панславистскую деятельность Льва Сапег, необходимо рассказать об истории возникновения самого панславизма. На наш взгляд, зародился он в Чехии во время правления короля Карла I (1346 — 1378)

Берестье. Фрагмент гравюры Э. Дальберга. 1657.

Папа Пий II.

[15], которого современники называли «славой славянства». А когда в середине XV века турки захватили Константинополь и перерезали торговые пути на Восток, появились все условия для возникновения настоящего панславизма и славянофильства.

В то время «Папа Николай V создал в Риме центр науки, искусства и философии, где активно проявил себя кружок Виссариона. Вокруг Виссариона группировались деятели культуры из восточных, а также латинских стран, многие из которых впоследствии стали выдающимися представителями западного гуманизма» [35, с.133]. Никейский митрополит Виссарион (1403? — 1472) поддержал в 1439 году Флорентийскую церковную унию, стал кардиналом католической церкви. Знаменитый философ-платоник Виссарион содействовал избранию выдающегося итальянского гуманиста Энеа Пиккаломини (1405 — 1464) римским папой под именем Пий II. Деятельность Виссариона лежит в основе яростной антитурецкой борьбы пап Николая V и Пия II. Судьба славян особенно была близка Пию II, который, будучи в свое время папским легатом в Чехии, написал «Богемскую историю», а в своих географических трудах описал жизнь славян ВКЛ.

В кружке Виссариона получила дальнейшее развитие «паннонская теория» происхождения

славян, поскольку в его окружении, наверно, считали, что судьба славян решается на Балканах. Такого же мнения придерживались и польские короли, под руководством которых была создана особая ягеллонская модель панславизма. В конце XV века в государствах, в которых правили короли из династии Ягеллонов, жили поляки, чехи, словаки, большая часть восточных славян и значительная часть южных. А польский король Владислав III погиб, освобождая болгар, в 1444 году, сражаясь с турками под Варной.

Выдающийся польский историк-хронист Ян Длугош (1415-1480) создаёт теоретическую базу для ягеллонской идеи, развивая легенду о трёх братьях: Чехе, Лехе и Русе. Кстати, Длугош помогал великому философу-гуманисту Николаю Кузанскому (1401-1464) создать знаменитую карту Европы, на которой были обозначены ВКЛ и все славянские государства.

Король Владислав III Варненчик.

Библиотека византийских императоров

Николай Кузанский был близким другом папы Пия II и кардинала Виссариона, который воспитывал с 1465 года Зою (Софью) Палеолог, племянницу последнего византийского императора Константина XI, подписавшего в 1439 году Флорентийскую церковную унию. Историки не сомневаются, что Виссарион воспитывал её в униатском духе. Имея ввиду далеко идущие планы, римский папа Сикст IV дал согласие на женитьбу Зои Палеолог и московского государя Ивана III. Историк И. Я. Стеллецкий [29, с.59] писал: «Прощальная аудиенция Софьи у папы Сикста IV состоялась 21 июня 1472 г. Папа принял Зою в садах Ватиканских, в присутствии посла Вольпе. Был удобный момент поднять вопрос о флорентийской унии и будущем союзнике в крестовом походе на турок: недаром же он, папа, затратил все «крестоносные» деньги на Софью. Такая беседа, действительно, состоялась; об этом упоминают миланские послы, хотя и глухо.» О приезде наследницы византий-

ских императоров Софьи в Москву рассказано в русских летописях. Караван Софьи Палеолог состоял из 70 подвод, наполненных книгами византийской императорской библиотеки, составивших основу знаменитой библиотеки Ивана Грозного, поиски которой продолжают-ся до сих пор.

Думается, что папа Сикст IV, мечтая о признании московской митрополии Флорентийской унии, дал Софье документы и рукописи, говорящие о давних связях Рима и Руси. Писатель и историк А. Бушков [3, с.52] указывает на некоторые косвенные доказательства того, что Русь приняла крещение из Рима: «Наличие в нашем Священном Писании Третьей Книги Ездры, которая присутствует лишь в Вульгате (Библии на латыни) — но не в греческом и еврейском вариантах Писания. Это доказывает: первые переводы Библии на старославянский язык были сделаны именно с Вульгаты, то есть с Библии римского канона. Да и календарь — основа богослужения на Руси, был принят не византийский, а как раз латинский. Названия месяцев латинские, а не ромейские, и началом года считался не сентябрь, как у греков, а март — как на Западе ...» Белорусский историк А. Жлутко [14, с.40] также считает, что Русь крестили вначале моравские последователи Св. Кирилла и Мефодия: «Славянскі абрад развіваўся далей пасля смерці св. Мятода за межами Вя-

Святые Кирилл и Мефодий.

лікай Маравіі, у т.л. на беларускіх землях, дзе праіснаваў да пачатку XIII ст., а затым пачаў саступаць месца грэцкаму абраду са славянскай богаслужбовай мовай. На думку Н. Нікольскага і некаторых іншых даследчыкаў, менавіта славянскі абрад і звязаныя з ім царкоўная мова і пісьмовасць ужо ў велікамарайскі перыяд атрымалі назву «рускіх»».

Русская идея в ВКЛ

Во время приезда Софьи Палеолог в Москву положение государства Ягеллонов было непростым: неудачная война с Московским государством, татарские набеги, постоянная опасность турецкой агрессии, внутренняя нестабильность... Православные в ВКЛ были недовольны тем, что не обладают равными правами с католиками. В среде православных интеллектуалов вызревала русская идея — о создании на землях, с преимущественно православным населением, Великого Княжества Руського. Интересно, что пинского князя Наримунта в западных хрониках называли королем русским. Самым ярким проявлением русской идеи в ВКЛ было провозглашение Свидригайло в 1432 году в Полоцке великим князем русским.

В 1440 году было восстановлено Киевское княжество, во главе которого оказалась династия Олельковичей. Во второй половине XV

Папа Сикст IV.

Великий князь Свидригайло. Гравюра XVI в.

века наблюдалось интенсивное развитие Киева как торгово-экономического и культурного центра. Еще достаточно не исследовано такое интересное культурное явление как Олельковский ренессанс [9, с.84-107; 38, с.21-22]. Интересно, что вскоре Олельковичи стали править и в Пинске, где наблюдался также культурный подъем.

В конце XV века в Кракове сложился кружок гуманистов-интеллектуалов во главе с поэтом и историком Филиппо Буонаккорси (1437—1496), известным под именем Каллимах - воспитателя будущих польских королей Яна Ольбрахта, Александра и Сигизмунда Ягеллончиков. Выдающийся славист И. Голенищев-Кутузов [7, с.222] писал: «Филиппу поручались ответственные дипломатические миссии. Он побывал в Риме и говорил от имени польского короля перед венецианским сенатом. Каллимах считался в конце XV в. одним из лучших специалистов по «восточному вопросу» в Европе. Его следует рассматривать как основателя в Польше антитурецкой публицистики. Он написал не дошедший до нас трактат о нравах татар, беспокоивших постоянными набегами Польшу и Украину («De Tartaroum moribus»)). Польский историк Ю. Шуйский писал о дружбе Каллимаха с первым славянским печатником Швайпольтом Фиолем и о том, что издание славянских книг было лишь реализацией возникшей в кругу Каллимаха идеи о соединении «схизмы» и католицизма.

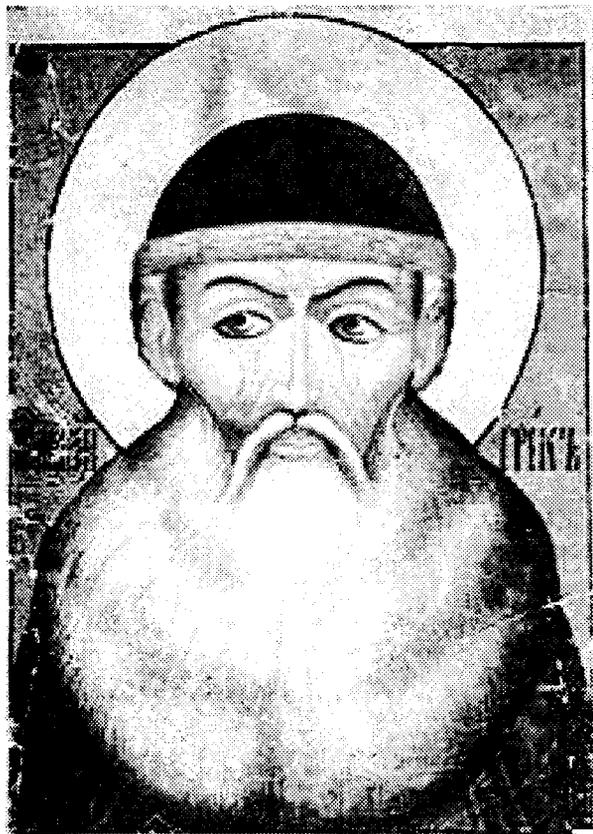
Итак, краковские интеллектуалы уже тогда видели спасение Речи Посполитой в церковной унии. Русский историк П. Д. Брянцев [1, с.305-

306] писал, что в 1498 г. православный митрополит Иосиф Болгариневич и католический епископ Адальберг под опекой великого князя Александра (воспитанника Каллимаха) начали активную деятельность, направленную на объединение православной и католической церквей на территории ВКЛ под властью папы римского. Отметим, что ближайшим соратником великого князя Александра и членом краковского кружка был Иван Семенович Сапега, младший брат прадеда Льва Сапег. Историк Ю. Гаврилюк [41, с.36] пишет: «Иван [И. С. Сапега. — А. И.] правдоподобно связан с созданием первой типографии, издавшей книгу на кириллице. Украинский православный полемист начала XVII в. Захарий Копыстенский в своей «Палинодии» вспоминает первые издания кириллицей, литургические книжки, называемые «Триодями», находящиеся на Подляшье, на Бельской земле, в Боцьках, имении пана Богдана Сапег, воеводы минского.» Историк церкви Н. Чубатый [39] отмечал: «Сохранились доказательства про то, что в 3-й четверти XVI в. та ветвь (коденских) князей Сапег, которая позднее перешла было на протестантизм, а потом окончательно на латинство, все ещё держалась восточного обряда в единстве с Римским престолом. В нескольких приходах там аж до Брестской унии признавали единство Соборной церкви. На надгробиях этих Сапег возле Коденской церкви можно прочитать надпись, что они окончили жизнь в объединённой вере греческой». Но, что самое интересное, правдоподобно греко-католиком (или сторонником унии) был дед Льва Сапег: «Иван Багданович браў на сябе абавязак пабудоваць царкву Святога духа ў Іказні (пад Браславам), у якой аднолькавае права на служэнне прадстаўлялася б “усім прэсвітэрам лацінскім і рускім, што кіруюцца другім лацінскім абрадам”» [4, с.3].

Первые сведения о «либерии»

В то время, в 1518 году, в Москву приехал ученый монах Максим Грек, получивший прекрасное образование в Италии. Он по заданию Василия III занимался переводом греческих книг из великокняжеской библиотеки (либерии). Сначала ученый грек был принят великим князем с большим почетом, но через несколько лет его сажают в тюрьму как турецкого агента. Выдвинем свою гипотезу: на самом деле Максима Грека обвинили в том, что он — римский агент. Тогда Рим пробует возобновить свои попытки присоединения московской митрополии к Флорентийской унии. В 1525 году в Москву

прибывает посланник римского папы, генуэзский купец Павел Чентурионе [12], который подружился с известным московским униатом, немецким лекарем Николаем Булевым. Последний переписывался с Максимом Греком, склоняя его к унии. Можно предположить, что грек рассказал генуэзцу о секретных документах “либерии” и за это оказался в тюрьме.

Максим Грек.

Следующее упоминание о библиотеке Ивана Грозного находим в хронике ливонца Франца Ниенштедта, который в ней писал, что в 1556 году некому пастору Иоанну Веттерману было предложено переводить книги из царской библиотеки, но он благоразумно отказался.

Любимец Стефана Батория

Символично, но через год родился Лев Сапега, который также занимался поисками таинственной “либерии” Ивана Грозного. Умный и высокообразованный Лев Сапега сделал блистательную карьеру при дворе короля Стефана Батория, пытавшегося реанимировать ягеллонскую идею, которая, по словам польского историка М. Тымовского [33, с.165], получила страшный удар в 1526 году под Мохачом, где в сражении с турками погиб молодой венгерский король Людвик Ягеллон. После чего южная политика польских Ягеллонов стала более

реальной и прагматичной: была направлена в сторону Молдавии для установления контроля над важным торговым путем из Черного моря в Балтийское – по рекам Днестр и Висла. Однако Стефан Баторий решил вначале сделать упор на восточную внешнюю политику: вернуть захваченные Московией земли, что, конечно, импонировало молодому Льву Сапеге, который происходил из смоленских бояр.

В феврале 1584 года польский король отправил Сапегу, в качестве посла, в Москву. Его заданием было решение вопросов, возникших после установления Ям-Запольского перемирия. Со временем Сапега становится руководителем московской политики Стефана Батория. Польский историк Г.Люевич [44, с.85] пишет о Льве Сапеге: «Принадлежал тогда к кругу людей, формировавших политику Речи Посполитой относительно Москвы и одновременно был доверенным исполнителем королевских планов в этой области. Был к тому же привлечен для реализации проекта заключения унии между двумя государствами, хотя в замыслах Баторию его [Л.Сапегу.-А.И.] удаление московской стороной давало удобный предлог для объявления войны».

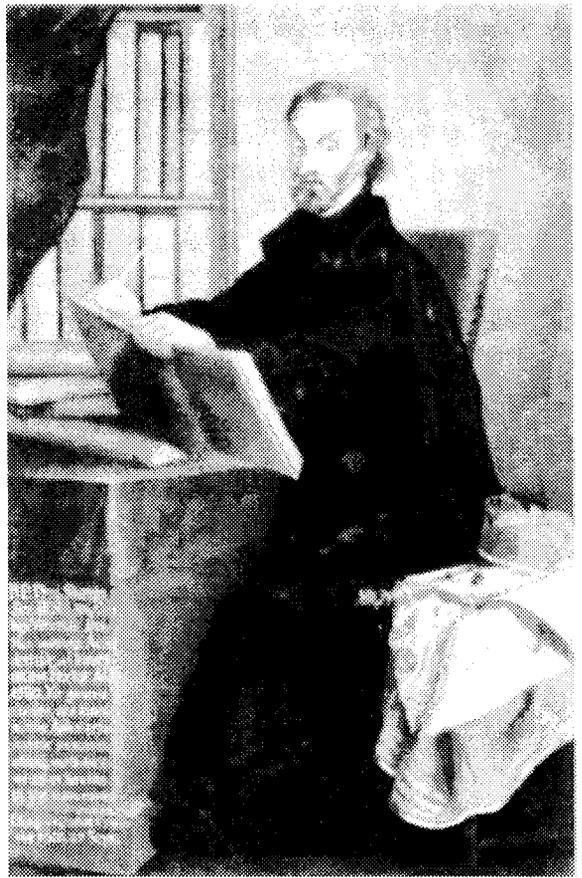

*Стефан Баторий.
Художник М. Кобер. 1583.*

Лев Сапега і панславізм

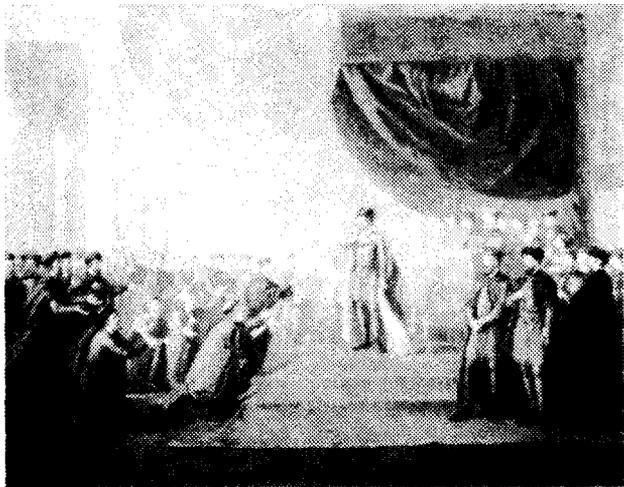
«У 1587 годзе, страціўшы свайго галоўнага абаронцу Сцяпана Батуру, Сапега разам з тым адчуў, што надыхоў час, калі ён самастойна можа вырашыць два самыя істотныя для сваёй краіны пытанні — абараніць незалежнасць Вялікага Княства ад Польшчы і пашырыць сферу свайго ўплыву на Масковію. Прычым, адным крокам — стварыўшы федэрацыю Польшчы, ВКЛ і Маскоўскай дзяржавы з адзіным каралём (Вялікім князем). Абраць каралём ён прапанаваў цара Фёдара Іванавіча, паколькі быў упэўнены, што той ніколі не будзе займацца праблемамі Вялікага Княства, ніколі не пакіне спадчынны трон у Маскве і не рызыкне паехаць у Рэч Паспалітую. Такім чынам, абранне цара Фёдара адначасова гарантавала Вялікаму Княству першынство над Польшчай і пазбаўляла ад пагрозы з усходу. Пры гэтым рэальная ўлада заставалася ў руках самога Сапегі. (...) У 1589 годзе Сапега быў прызначаны канцлерам і цяпер мог у шчыльную заняцца падрыхтоўкай да падпісання уніі (пагаднення аб саюзе, аб'яднання дзяржаў). Разам з тым, Сапегаразумеў, што час патрабуе новых падыходаў і сродкаў. У выніку пры двары караля Жыгімонта была заснавана сакрэтная школа па падрыхтоўцы шостаі калонны, якая павінна стварыць у Маскве спрыяльныя ўмовы для прасоўвання на расейскі трон «свайго» цара, які і падпісаў бы унію. Плёнам гэтай працы стала з'яўленне двух Ілжэдзімітрыяў» [11]. В то время ходили слухи-шутки, что во дворе Льва Сапегі стоял настоящий инкубатор для Лжедмитриев.

Такім образом, уже к концу XVI века канцлер ВКЛ ведет настоящую панславистскую политику. Под влиянием чего? Попробуем ответить на поставленный вопрос. XVI век — бурное время, особенно в Речи Посполитой: борьба разных религий, культур и идеологий. Именно в XVI веке в ВКЛ зарождается литвино-балтская идея (Альбрехт Гаштольд, Мельхиор Гедройц, Михалон Литвин, Августин Ротондус...), получили дальнейшие развития русская (Константин Острожский, Федор Скумин-Тышкевич, Олельковичи, братья Зизанин...) и славянская (Лев Сапега, Николай Гусовский, Гальяш Пельгримовский...) идеи, не говоря уже о польской. Белорусский философ С.Подокшин [19, с.271] отмечал большое влияние на канцлера знаменитого проповедника-иезуита Петра Скарги. По мнению философа, именно Скарга повлиял на переход Льва Сапегі из протестантизма в католичество. Стоит отметить, что проповеднику не была чужда славянская идея. Украин-

Петр Скарга. Портрет неизвестного художника XVII в.

ские историки П.Кралюк и В.Бубенчиков [2, с.55] пишут: «Он [П.Скарга. — А.И.] осознавал относительное единство славянских народов. В некоторых случаях даже употребляет термин «славянский народ». Этот народ, по его словам, занимал территорию от Волоской земли, т.е. Италии, на западе аж до Волги на востоке. К славянам Петр Скарга относил следующие народы: болгар, сербов, боснийцев, рашков, словаков, хорватов, далматинцев, моравцев, каритян, иллирийцев, чехов, поляков, силезцев, Русь белую и красную, паннонцев, поморян, кашубов, вандалов и т.д». Не следует забывать, что Петр Скарга был одним из теоретиков Брестской церковной унии, а его ученик Лев Сапега столько сделал для ее осуществления и выживания. Белорусский исследователь И.Саверченко [26, с.27] пишет: «Так, канцлер ВКЛ Л.Сапега у «Промове» на Брэсцкім Саборы 1596 г., звяртаючы ўвагу на крызіс Канстанцінопальскай патрыярхіі і залежнасць грэцацкіх патрыярхаў ад турэцкіх султанаў, выступіў за падпарадкаванне праваслаўнай царквы ВКЛ папу рымскаму. Праз унію Л.Сапега, як некалі вялікія князі, імкнуўся ўсталяваць мір унутры дзяржавы, а таксама здабыць палітычную падтрымку папы рымскага і еўрапейскіх манархаў у

Стефан Баторий основывает Виленскую академию. Художник В. Смаковский.

змаганні з маскоўскай дзяржавай». Кроме того, Лев Сапега прекрасно понимал, что без церковной унии нельзя осуществить его мечту – унию Речи Посполитой и Московского государства, объединить всех славян в борьбе против турок. Поэтому неправ Николай Шкелёнок [40, с.70], когда пишет: “Гэтакі жа спробай заснаваньня нацыянальнага касьцелу на Беларусі была і рэлігійная вунія 1595 г.[1596 г. – А.И.] у вачах Льва Сапегі і іншых беларускіх мужаў, якія ёй дапамагалі”. На наш взгляд, не национальную религию помогали создавать Лев Сапега и Петр Скарга, а всеславянскую.

Непоследнюю роль в формировании панславистских взглядов Льва Сапегі сыграла и анти-московская, и антитурецкая политика Стефана

Батория. Наверно, не случайно то, что король основал в Вильне академию, где Петр Скарга стал ректором, а Лев Сапега и его потомки щедро финансировали ее. Русский историк М.Коялович [17, с.182] писал: «Широкая задача наметилась в его жизни [Батория. – А.И.], еще когда он был семигородским князем, - это борьба с турками. Борьбой этой занят был тогда и папа. Её легче всего и можно было начать во имя латинства. Иезуиты оказывались самым пригодным орудием к возбуждению латинских сил и объединению их для борьбы с турками. Поэтому Баторий сразу обнаружил расположение к иезуитам, обласкал их, содействовал им в распространении их училищ, даже возвел их виленское училище на степень академии, несмотря на упорное сопротивление литовских государственных людей».

Думается, что не только в Италии, но и в Речи Посполитой знали хорватскую литературу приморского города-республики Дубровника, находившегося на самом переднем рубеже борьбы с турками. Так, в историческом труде «“Аб паходжанні і поспехах славян“ (1532) Вінка Прыбоевіча сцвярджалася думка пра еднасць усяго славянскага роду — ад Адрыятыкі да далекай Масковіі, чым абуджалася славянская самасвядомасць, умацоўвалася думка пра брацтва і адзінства ўсіх славянскіх плямёнаў.(...) Асаблівай папулярнасцю сярод лацінскіх пэнтаў Далмацыі канца XV — пачатку XVI ст. карыстаўся Ілія Црыевіч (Э.Л.Цэрвін, 1463 — 1520) вучань буйнага гуманіста Папонія Леты

(заснаваў універсітэт у Рыме). [Учеником Пампония Лето был и Каллимах. — А.И.] І. Црыевіч быў першым сярод далмацінскіх гуманістаў, якія пісалі пра адзінае славянскае царства”[31, с.152]. Далее беларусскі літэратуровед Г.Твороніч [31, с.153] пішет і об известном поэте Марко Маруличе (1450 — 1524), что он “востра адчуваў небяспеку, што сыходзіла ад заваёўнікаў — туркаў. Ён паўсюль падкрэсліваў вострую неабходнасць аб’яднанай славянскай барацьбы з асманскім напэсцем, што і вызначала пафас, тэматыку ягонай

Город Дубровник (Хорватия).

12 Гістарычная Брама

харвацкай паэзіі”. Антитурецкая тема звучит и в произведениях Юрия Шижгорича, Мавра Ветрановича, Антуна Сасина и др.

Дубровницкий историк, бенедиктинский аббат Мавро Орбини (? — 1614) в 1601 году напечатал книгу «Царство славян», о которой хорватский славист Н. Решетар [24, с.212] пишет: «(...) главной мыслью является желание показать, насколько были сильны и славны древние славяне, что все славяне составляют один великий народ: среди своих современников и соотечественников (автор) пользовался большим успехом, пробуждая в них сильное национальное самосознание и чувство солидарности с остальными славянами». Думается, что Лев Сапега был знаком с произведениями Орбини и его предшественников. Отметим, что Орбини писал о поляках, как о первом народе среди славян, подыгрывая панславистским настроениям могущественного Сигизмунда III.

Стоит вспомнить и то, что в 1522 году в Риме была создана Николаем Гусовским по заказу римского папы Льва X знаменитая поэма «Песня о зубре», которая имеет ярко выраженный антитурецкий и прославянский характер. А поручил поэту написать поэму его опекун, известный дипломат Эразм Тёлек, бывший в свое время членом краковского кружка Каллимаха и другом Ивана Семеновича Сапеги.

Руководитель восточной политики Сигизмунда III

Лев Сапега был доверенным лицом королевы Анны Ягеллонки, которая дала ему в 1590 году в пользование село Блудень Брестско-Литовского уезда и другие владения. Канцлер после смерти Стефана Батория находился при дворе вдовствующей королевы. Тяжело он переживал ее смерть в 1596 году. Королева в завещании подарила Льву Сапеге все ранее предоставленные ему в пользование земли. Король Сигизмунд III Ваза во многом своей короной был обязан теще Анне Ягеллонке, к которой относился с любовью и уважением. Думается, что благодаря ей Лев Сапега заслужил доверие и Сигизмунда III. Причем настолько, что 31 июля 1590 года король пишет Сапеге письмо, в котором просит одобрить его выбор и позволить жениться на старшей дочери австрийского эрцгерцога Карла [42, с.224-230]. И при Сигизмунде III канцлер продолжал руководить восточной политикой не только ВКЛ, но и всей Речи Посполитой. Белорусский историк А. Грицкевич [10, с.106] пишет: «Леў Сапега працягваў актыўна праводзіць усходнюю палітыку дзяржавы. Пасля смерці ў

1598 г. царя Федара Іванавіча Леў Сапега спрабаваў выставіць кандыдатуру Жыгімонта III на маскоўскі трон, але Барыс Гадуноў хутка заняў трон. Тады Сапега прапанаваў праект жаніцьбы караля Жыгімонта з царэўнай Ксеніяй Барысаўнай. Канчатковая мэта гэтага праекту прадугледжвала дзяржаўную унію Рэчы Паспалітай з Масквой. І гэты праект не здзейсніўся. Сойм 1600 г. прызначыў Льва Сапегу кіраўніком вялікага пасольства ў Маскву”. “Непасрэднай мэтай пасольства было заключэнне чарговага перамір’я паміж Рэчу Паспалітай і Маскоўскай дзяржавай, а ў спрыяльных умовах — вечнага міру і саюза. Папярэдняе перамір’е заканчвалася ў 1602 г., а Рэчы Паспалітай, якая на зыходзе XVI ст. вяла адначасова войны на поўначы і поўдні, мір на ўсходзе з Маскоўскім княствам быў не проста выгадным, але і неабходным. Зрэшты, мэтай пасольства Льва Сапегі ў Маскву ў 1600 — 1601 гг. адпавядала не толькі разлікам палітыкаў, але інтарэсам, жаданням саміх народаў: рускага, які толькі прыходзіў у сябе пасля крывавай тыраніі Івана Грознага, пасля паражэння ў Лівонскай вайне, і народаў Рэчы Паспалітай, знясіленых вайной з Маскоўскай дзяржавай і ўцягнутых у новую вайну са Шве-

Конный портрет Сигизмунда III.

Царь Борис Годунов.

цыяй, за прывідную швецкую карону Жыгімонта Вазы” [16, с.67]. Лев Сапега прывез в Москву и проект унии двух государств. Историк В. Чаропка [37, с.12] так его характеризует: “Идея славянскага адзінства ўвасобілася вось у гэтым праекце саюза трох славянскіх народаў: літвінаў, палякаў

і маскавітаў. Канцлер Леў Сапега прапаноўваў рэальныя ўмовы злучнасці. Захоўваючы сваю самастойнасць, абедзве дзяржавы цесна збліжались на палітычнай, культурнай і эканамічнай глебе і праводзілі супольную знешнюю палітыку. Гэты саюз адхіліў бы даўнія прычыны для войнаў паміж Масковіяй і Літвой з-за спрэчных земляў і з’явіўся б гарантам “вечнага пакою”. Ясна, што ад гэтага саюза выйгралі б усе славяне, бо ў перспектыве паўстала задача вызвалення паярэмлених туркамі славянскіх народаў”. Лев Сапега догаворыцца с царем Борисом Годуновым об унии между двумя государствами не смог, зато заключил “вечный мир”. Польский историк И.Гралья [8, с.35] пишет: “(...) цепь бесконечных сражений не привела славянскую элиту Великого Княжества Литовского к убеждению о какой-то особенной враждебности между двумя державами, борющихся за гегемонию в Восточной Европе. Свообразным политическим манифестом прозвучали слова литовского канцлера Льва Сапегы, сказанные им во время переговоров в Кремле 4 декабря 1600 года. Опытный политик говорил московским боярам о том, что “мы с вами славяне, один народ”, и призывал к вечной дружбе, в которой с божьей помощью должны жить оба государства. Мысли Сапегы целиком принадлежали XVI веку — очень скоро наступили совсем другие времена...”

Разведчики в Москве

Сапеговский проект унии двух государств предполагал возможность унии Церквей, для чего в состав посольства было включено несколько духовных лиц, и в том числе и грек Петр Аркудий (ок. 1563 — 1633), который был

доверенным лицом канцлера. Грек-униат в своё время занимался подготовкой Брестской церковной унии и непосредственно участвовал вместе с Львом Сапегой в работе униейного Брестского Собора. События 1596 года были подробно описаны Аркудием в донесениях генералу ордена иезуитов К.Аквавиве.

Доктор философии и богословия Петр Аркудий был после учителем в Бресте - в первом униатском училище ВКЛ, для которого король Сигизмунд III пожаловал два села Жидичинского монастыря — Торокань и Лесень. В награду за учительство Аркудий вскоре получил во владение село Торокань. В 1612 году он отдал село униатскому митрополиту Иосифу Рутскому, который позже основал там знаменитый базилианский монастырь. Может, и Аркудий был причастен к его основанию? Так вот, этот ученый монах Петр Аркудий вместе со Львом Сапегой упорно искали в Москве библиотеку Ивана Грозного.

И.Стеллецкий в своей книжке “Мертвые книги в московском тайнике” [29, с.123-124] писал: «Они долго и тщательно выпытывали всякими способами у русских книжную тайну, и вот что они писали о своих достижениях своим адресатам в один и тот же день, 16 марта 1601 г., съехавшись в Можайске под Москвой.

«О греческой библиотеке, — писал Аркудий кардиналу [Сан-Джорджо. — А.И.], — о которой некоторые [...] подозревают, что она находится в Москве, при великом старании, которое мы употребили, а также с помощью авторитета г. канцлера, не было никак возможно узнать, чтобы она находилась когда-нибудь здесь. Ибо когда г. канцлер спросил первых сенаторов, есть ли у них большое количество книг, то москвичи, имея обычай обо всем отвечать, что у них его великое изобилие, и здесь сказали, что у них много книг у патриарха, а когда спросили, какие книги, сказали: псалтыри, послания, евангелия, минеи и вообще церковные служебные книги; когда же г. канцлер настаивал, есть ли у их великого князя греческая библиотека, они определенно отрицали существование таковой.

Я также спрашивал в доме не малое число из стражи (свиты) своей, через переводчика, а также многие греки по происхождению, служащие князю, мне говорили, что, по правде, нет такой библиотеки. И я считаю весьма правдоподобным, ибо если московиты исповедуют сохранение греческой религии, то тем не менее они во многом отличаются от нее, а в нравах расходятся со всем светом.

Не могу поверить, чтобы император гречес-

Книжные лавочки на Спасском мосту в XVII в. Художник А. Васнецов. 1916.

кий, миновал латин, образованность и светскость которых были отлично засвидетельствованы, пожелал бы прибегнуть почти к варварству.

Затем, известно, что и ученые и значительные греки того времени, как Феодор Газа, Аргиропуло, Трапезундский, Хризолора и другие подобные, имели убежище в Италии.

Так и брат императора, именующийся этим титулом деспота, несет с собой главу славного апостола Андрея и с нею уходит в Рим.

То же сделали во время папы Льва два брата Ласкари, Мазуро и другие ученые люди.

Далее, в то время великий князь Московский не был в таком величии, как можно ясно видеть из истории, но был данник татарского хана, который недавно явился в те страны и навел ужас на Европу, и был данником со столь низким рабством, что выходил навстречу посланника ханского и предлагал ему пить кобылье молоко, любимое татарами, и, если посланник нечаянно проливал несколько капель, то (князь) собственным языком подлизывал их в знак почета и страха. Кроме того, обыкновенно постилали соболий мех, на который посланник становил-

ся, читая письмо своего государя, а Московский государь обязан был давать людей, даже когда хан воевал против христианских князей.

Первый освободился от такого рабства Иван Васильевич, который впервые, для защиты от татар, воздвиг крепость Московскую, которая все же (вся уже?) была устроена в 1491 г. неким Петром Антонио Солярием, миланцем, как явствует из надписи латинскими буквами над воротами той крепости. И Константинополь был взят также в то время. Так как же правдоподобно, чтобы император греческий вверил драгоценные вещи или библиотеку подобному государю, который жил в столь вечном или постоянном страхе? Отсюда я думаю, что добрая часть греческих книг в то время была перенесена (!) в Италию, в особенности, что Сикст IV, который подвигнут кардиналом Виссарионом и был его прелатом в более скромном положении, по убеждению сего кардинала собрал или, по крайней мере, в великой степени увеличил библиотеку Ватиканскую, которая называлась также Сикстинскою. Не без причины написан в ней кардинал Виссарион... »

Лев Сапега в свою очередь тоже докладывал:

«В деле светлейшего кардинала Сан-Джорджо, возложенном на почтенного Петра Аркудия, — справиться у москвичей о некоей греческой библиотеке, — я приложил в этом деле крайнее старание, но, как слышал от самых главных сенаторов, никакой такого рода библиотеки в Москве никогда не было.

Сначала-то они, по своему обычаю, хвастали, что очень много греческих книг у их патриарха, но когда я тщательнее настоял, то определенно отрицали, чтобы у них была какая-либо знаменитая библиотека, ни какие-либо греческие книги, кроме немногих церковных, как, конечно, псалтырь, книга посланий блаженного Павла, евангелий и других этого рода. Ибо в Москве нет никаких общественных школ и академий, а знающих греческий язык, как следует, не находится совсем, или очень мало, да и то перебежчики».

А. Глухов [6, с. 129] так комментирует письмо канцлера: «В том же духе высказался и Лев Сапега: он шел даже еще дальше, утверждая, что в Москве библиотек вообще нет, за исключением немногих церковных книг. Это было, конечно, несправедливо и оскорбительно. Достаточно сказать, что за одну лишь середину XVI века на Руси были изданы историко-литературные своды, начато книгопечатание, в это время работали крупные книжные мастерские, велась книжная торговля». То есть библиотеки в Москве тогда были. Но почему Сапега скрывал это? Наверно, знал, что его корреспонденция проглядывалась, и решил показать соглядатаям, что отказался от поисков.

Что же Аркудий и Сапега надеялись найти в царской библиотеке? Думается, что не только документы, касающиеся возможного крещения Руси Римом, но и об униатских традициях в ВКЛ. Последние документы тогда же искал на территории самой ВКЛ митрополит Ипатий Потей. «Больш таго, уніяцкую ідэю Кіеўскі мітрапаліт імкнуўся абгрунтаваць навукагістарычнымі метадамі. Ён адшукаў дакументы, якія сведчылі пра даўнія уніяцкія традыцыі беларуска-ўкраінскай праваслаўнай царквы, у прыватнасці пастырскае пасланне Кіеўскага мітрапаліта Ісідора, удзельніка Фларэнцыйскага сабора 1438-1439 г., якое сведчыла пра прыхільныя адносіны апошняга да уніі. Копію гэтага паслання Пацей у 1602 г. даслаў канцлеру Льву Сапегу. (...) У 1605 г. Пацей апублікаваў на беларускай і польскай мовах знойдзенае ім у Крэўскай царкве пасланне Кіеўскага мітрапаліта Місаіла, якое таксама сведчыла пра імкненне праваслаўнага кліра і свецкіх асоб да уніі з

рымскай царквой у другой палове XV ст.» [20, с. 32].

Крестный отец русской Смуты

Уже несколько веков историки пытаются разгадать тайну самозванца Лжедмитрия I. Нас же интересует, прежде всего, вопрос: какое отношение имел Лев Сапега к появлению самозванца? Великий русский историк С. Соловьев [28, с. 392] писал: «Как бы то ни было, если заподозрить кого-нибудь из вельмож польских в подстановке самозванца, то, конечно, подозрение прежде всего должно падать на Льва Сапегу; но можно ли заподозрить одного частного человека в начинании такого дела? Гораздо более основания заподозрить могущественных тогда в Польше иезуитов, которым появление самозванца, как орудия для введения католицизма в Московское государство было очень нужно; на Сапегу же можно смотреть как на поверенного иезуитов». Ранее мы тоже не раз говорили о связях Льва Сапегы с иезуитами. Кроме того, в Речи Посполитой иезуиты (наверно по заданию пап) первыми начали проповедовать политический панславизм, то есть объединение славян в единую славянскую державу. Однако взаимоотношения канцлера с иезуитами нельзя понимать так упрощенно-примитивно. Не был Лев Сапега слепым орудием иезуитов: просто часто их взгляды и цели совпадали, и они совместно действовали в деле объединения славян против турецкой агрессии.

Сходную с С. Соловьёвым точку зрения имеет и современный русский писатель-историк Э. Радзинский [23, с. 153]: «Речь Поспо-

Лжедмитрий. Портрет начала XVII в.

лита была подготовлена к приезду Отрепьева — «Дмитрия» канцлером Львом Сапегой, с которым бояре вошли в сношения ещё в бытность его в Москве. Именно потому, согласно польским источникам, после посещения Москвы мудрый канцлер вдруг изложил удивительный план: уничтожить опасную Русь руками самозванцев. Но Лев Сапега не сыграл до конца свою роль — знакомство «Дмитрия» с Мариной поставило во главе заговора Юрия Мнишека, которого Сапега и презирал, и ненавидел. Поэтому-то канцлер становится вначале противником «Дмитрия», объявляя его слишком жалкой кандидатурой, чтобы ставить на карту отношения с могущественным Годуновым...». Позволим себе в одном не согласиться с уважаемым писателем. На наш взгляд, не планировал Лев Сапега никакого уничтожения Московского государства, а собирался руками самозванцев осуществить дело всей своей жизни — унию двух государств. Исследователь Г. Турович [32] высказал интересную дискуссионную мысль, что идею о самозванце Сапега взял в книге английского посла в Московии Д. Флетчера «Об государстве Российском», изданной в Лондоне в 1591 году. Похоже, что тот же Г. Турович под псевдонимом Leod написал интересную и толковую книгу «Ясновельможны пан Леў Сапега», в которой дает [43, с. 127] пять польских источников, указывающих на канцлера как на крестного отца Смуты. Leod отмечает [43, с. 128], что белорусские историки А. Грицкевич [10, с. 106], И. Саверченко [27, с. 55] и В. Чаропка [36, с. 400] как-то неумело пытаются защитить Льва Сапегу от обвинений, выдвинутых С. Соловьевым. Действительно, на сейме 1605 года Лев Сапега осудил поддержку похода Лжедмитрия I на Москву. Какие еще причины могли вызвать это осуждение, кроме указанных Радзинским? Во-первых, канцлер прекрасно понимал, что борьба за государственную унию непроста и длительна, поэтому нужно завуалировать на время свое непосредственное участие в подготовке Лжедмитрия I, чтобы иметь некоторую свободу маневра. Во-вторых, он опасался, как мы думаем, за сохранность библиотеки Ивана Грозного, в которой видел мощное подспорье в деле католизации Московии.

Прошло несколько десятилетий после Смуты и уже другие униаты безрезультатно пытались проникнуть в библиотеку Ивана Грозного. Среди них были ученик Аркудия, грек Паисий Лигарид и хорватский панславист Юрий Крижанич, который призывал царя Алексея Михайловича к войне с Турцией. Они уже и не могли

найти библиотеку Ивана Грозного, которая, на наш взгляд, была уничтожена по приказу Федора Годунова перед входом Лжедмитрия I в Москву или позже в смутные годы, чтобы не досталась полякам.

Наставник Владислава Вазы

Еще недостаточно исследованы отношения Льва Сапегы и короля Владислава IV. Канцлер был не только ему кумом (Владислав являлся крестным отцом его младшего сына Казимира Леона), но и духовным наставником и советником короля. Об их близости говорит и такой факт: Лев Сапега был опекуном Березовской униатской церкви, а Владислав — соседней Блуденской, которая находилась во владениях канцлера. Связывало их и то, что ближайшим другом Владислава IV являлся пинский староста Альбрехт Радзивилл, зять Льва Сапегы. Отметим, что князь Альбрехт был строителем первых каменных зданий Пинска: иезуитского костела и коллегиума. А пинский микрорайон Альбрехтово напоминает нам об этом выдающемся государственном деятеле и мемуаристе.

После неудач с двумя самозванцами Лжедмитриями Лев Сапега в своих панславистских планах делает ставку на юного королевича Владислава. Во многом благодаря усилиям канцлера в августе 1610 года Владислав был провозглашен московским царем. К сожалению, шапка Мономаха так и не была надета на голову королевича. Но Сапега делал все, чтобы его ученик оказался на московском троне: в 1618 году

Владислав IV.

Художник П. Рубенс. Около 1624.

склонил Владислава ідти маршем на Москву для получения законной короны.

В 1621 году королевич участвовал в знаменитой Хотинской битве, где гетман Ходкевич разгромил турок. Наверно, в то время, под влиянием Льва Сапегі, королевич разрабатывает фантастические панславянские планы: захват Крыма, разгром Османской империи и освобождение балканских славян, и передачу их в религиозное подчинение римскому папе. Новая уния? Владислав даже мечтает об освобождении Иерусалима от неверных.

17 мая 1624 года королевич Владислав вместе со своими друзьями Альбрехтом Радзивиллом и Стефаном Пацем отправился в путешествие по европейским столицам, где они прощупывали почву для создания нового антитурецкого союза. В итальянском городе Анкона они встретились с выдающимся хорватским поэтом Иваном Гундуличем. Вскоре поэт начал писать знаменитую поэму «Осман», в ней прославлял Хотинскую битву и королевича Владислава, с которым автор связывал надежды на освобождение славян от османского ига. Поэма стала как бы поэтическим манифестом ягеллонского панславизма. Символично то, что Гундулич закончил поэму перед самой смертью Льва Сапегі, которая фактически означала и смерть ягеллонской идеи. Сразу же в 1634 году король Владислав IV отказывается от московского престола. Похоже, что при жизни своего наставника Льва Сапегі он этого сделать бы просто не смог.

Когда появились картузы в Березе?

В конце статьи остановимся на загадке, связанной с родом Сапег. Почему в их владениях появился монастырь такого экзотического и загадочного католического ордена, как картузианский? Исследователь Т. Габрусь [5, с.58] пишет: «Каталіцкі манаскі ордэн картэзіянцаў (ці картузаў) адзін з самых старажытных: ён заснаваны св. Бруна ў 1084 г. у пустэльні Шар-троз (Cartusia), размешчанай у гарыстай мясцовасці каля Грэнобля. Статут ордэна, прыняты ў 1134 г. і зацверджаны ў 1170 г., быў самым строгім з усіх каталіцкіх ордэнскіх статутаў. Ён патрабаваў зарокаў самотнасці і маўчання, абавязковых заняткаў духоўным удасканаленнем, малітвай, пакаяннем, а таксама фізічнай працай, асабліва перапісам рукапісаў, доглядам саду, вырошчваннем лекавых раслін. Картэзіянцы значна абмяжоўвалі сябе ў ежы. У іх не было агульных памяшканняў для трапезаў. Манах-самотнік атрымліваў прадукты праз асо-

*Альбрехт Станіслаў Радзівіл.
Картина XVII в.*

бую адтуліну з двума паваротамі (каб ні з кім не сустрэцца) і рыхтаваў сабе ежу сам. Выходзіць за межы кляштара маглі толькі лічаныя асобы, што займаліся гаспадарскім забеспячэннем. Строгасць статуту зрабіла гэты ордэн адносна нешматлікім». «(...) картузы — норманнская ветвь католического ордена Св. Бенедикта. Это — медитирующие монахи-отшельники, лечащие больных. Основатель картузий, ордена монахов-мистиков, — Св. Бруно (Brunon) из Кёльна. Официально Бруно — профессор Реймского университета — канонизирован не был. Но римский Папа Леон X в 1514 г. разрешил его культ в созданном в конце XI века «Cartusian order», а с 1623 г. его культ распространился на весь Костел» [31]. Бенедиктинцы, известные своей миссионерской деятельностью, принесли христианство в Северную Европу, распространили кирилло-мефодиевское христианство в Восточной и Центральной Европе. Интересно, что они преподавали древнее греческое

богословие. В XIV веке в Польше появилось два бенедиктинских монастыря церковнославянского обряда: около 1385 года в Олеснице и около 1390 в Кракове. Польский историк М. Поповская [45, с. 49] отмечала: «Орден св. Бруно по своему характеру принадлежит к типу, немногочисленного, созданного на Западе во время его тяжёлой борьбы с набегами диких орд, к типу, в котором соединяются ростки западного ценобитизма [совместное проживание монахов. – А. И.] и эремитизма [отшельничество. – А. П.] Востока, и основателем которого, как известно, есть св. Бенедикт из Нурсии (480-543), создатель славного бенедиктинского монастыря в Монте-Кассино». На первый взгляд, картузианцы наиболее подходят для унийной работы, так как их орден соединял в себе черты западной и восточной церкви.

Принято считать, что Берёзовский картузианский монастырь основан в 1648 году Казимиром Леоном Сапегой, сыном великого канцлера. Однако, есть сведения, что основан кляштор раньше:

1. Художник Наполеон Орда на своём рисунке монастыря делает надпись: «кляштор картузов в Березе заложен в 1618 году князем Львом Сапегой»

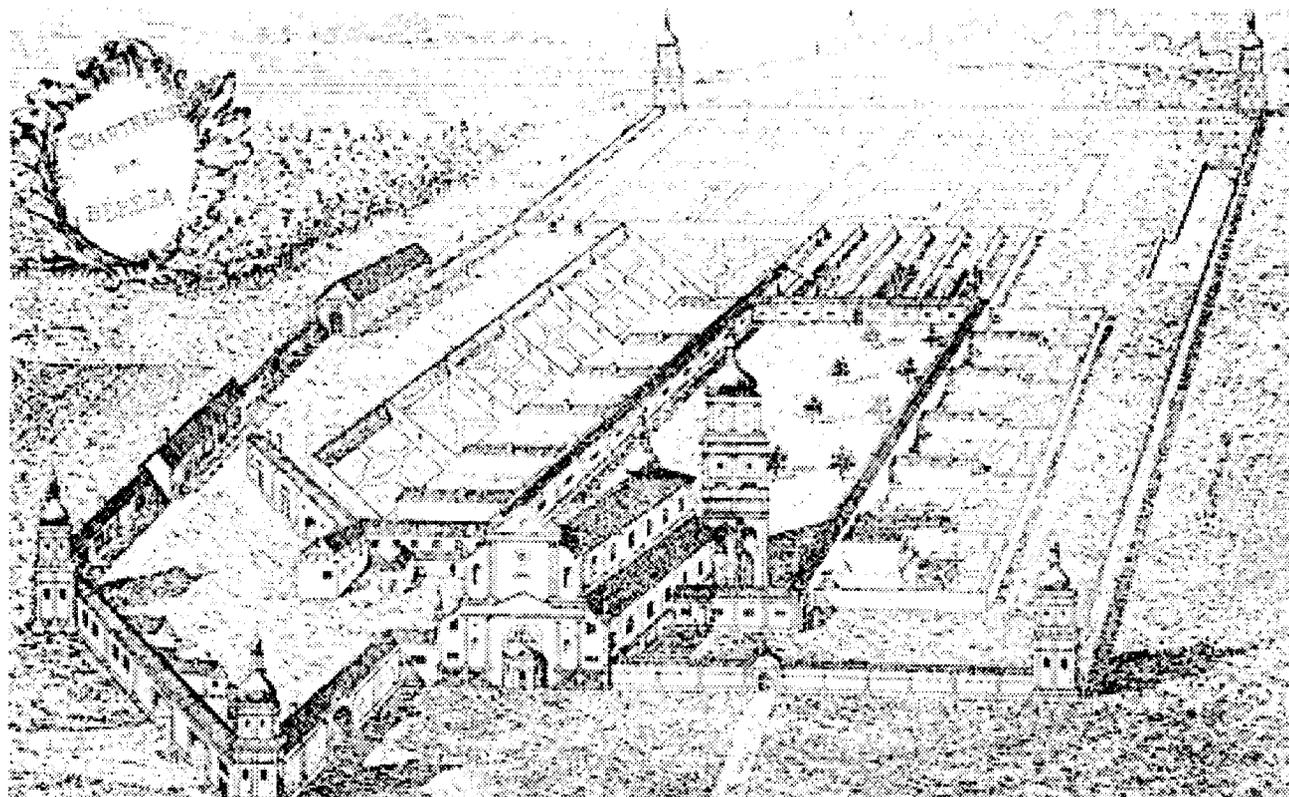
2. Белорусские историки В. Чаропко и И. Саверченко также считают, что монастырь основал Лев Сапега.

3. В решениях российской комиссии по лик-

видации монастыря указан 1609 год как дата его основания [31].

Выскажем следующую гипотезу: в 1618 году Лев Сапега или основал картузианский монастырь, или сделал попытку его основания. Как раз перед этим в 1617 году греко-католический митрополит Иосиф Рутской основал униатский монашеский орден: базилианский. При подготовке к созданию нового ордена митрополит вначале пользовался советами босых кармелитов, но всё же основную помощь оказывали иезуиты, они даже участвовали в конгрегациях базилианского ордена, но с правом совещательного голоса [25, с.26]. Можно предположить, что Лев Сапега, учитывая вышесказанное, пригласил монахов-картузов в недавно приобретенное местечко Березу, находившееся как раз в центре окружности, по которой располагались крупные базилианские монастыри: Кобринский, Тороканский, Лещинский, Бытенский, Жировичский и Лысковский. Возможно, Лев Сапега ещё спутал Св. Бруно из Кёльна со Св. Бруно из Кверфурта (в монашестве Бонифаций), активно крестившего пруссов, литовцев, ятвягов и т.д. А по заданию великого князя Владимира Святославовича крестивший также печенегов. А может, и саму Русь?

Но картузианский орден в XVII веке уже не был миссионерским, а в силу своей замкнутости и изолированности не мог оказать существенной помощи братьям базилианам. Да

Березовский картузианский монастырь. Гравюра неизвестного художника.

*Казимир Леон Сапега.
Гравюра П. Ландри. 1663.*

и монахи, в основном французы и немцы, не подходили для панславистской деятельности. Поняв свою ошибку, Лев Сапега, наверно, отказался от первоначального приглашения. Однако Казимир Леон Сапега после смерти отца что-то прослышал о приглашении им картузов и решил выполнить посмертную «волю отца». Можно предположить, что Лев Сапега, поддержав создание базилианского ордена, видел в нём и помощника в своей славянской деятельности.

Отец белорусов

Мы уже говорили об особом отношении Льва Сапеги к униатской церкви: канцлер даже признал мученика Иосафата Кунцевича патроном своего рода [21, с.126; 34 с. 27]. Льва Сапегу, Иосафата Кунцевича, Ипатия Потёя и Иосифа Рутского нужно считать невольными создателями белорусской нации. Если не они, то церковная уния и не была бы создана, и не выжила бы. А предки белорусов и украинцев остались бы в едином языковом, религиозном и культурном пространстве, и со временем сформировалась бы единая русинская нация.

Украинский историк и философ П. Краюк [18, с.174] пишет: «До конца XVI в. мы

не наблюдаем каких-то серьезных отличий в культурном плане между украинскими и белорусскими землями. Можно найти какие-то региональные отличия, но они не дают оснований утверждать о существовании тут отличных культур. И украинцы, и белорусы (по крайней мере, их интеллектуальные элиты) продолжали жить древнерусским культурным наследием, развивали его, имели единую церковную организацию, религиозный обряд, относительно единый литературный язык, опиравшийся на церковно-славянскую языковую основу, общие архитектурные, художественные традиции, в конце-концов общий этноним «Русь». Поэтому совершенно понятно, что издания белоруса Ф. Скорины имели широкое распространение в Украине (...). Выходцы из Украины, прежде всего из Галиции, в конце XVI в. охотно ехали на территорию Беларуси, в частности в Вильну, и работали тут в области культуры. Итак, есть все основания говорить про работу украинских и белорусских деятелей в границах одного культурного поля.

Однако в начале XVII в. это поле начинает разрушаться. Украинская и белорусская нация все больше и больше дистанцируются друг от друга. Определяющим фактором украинского нациогенеза в то время становится казачество и, соответственно, поддерживаемое им православие. Для белорусов же казачество выступает в целом как чужое явление. Тут вместо тради-

Лев Сапега. Портрет XVII в.

ционнага православія ўтвэржаецца унія. І можна гаворыць, што унія в то время становіцца важным фактаром нацыягенеза беларусов”.

Літаратура

1. Брынец П. Історыя літоўскага дзяржава з древнейшых часоў. Вільна, 1889.
2. Бубенчыков В., Кралюк П. Греко-католіцкая царква в этнічнай історыі украінскага та білоруськага народаў. Львів, 2004.
3. Бушков А. Россия, которой не было. М., 1997.
4. Варонін В. Народ нам верны, але ў веры схізмагык//Беларуская мінуўшчына. 1996. №4.
5. Габрусь Т. Мураваныя скарбы Сапегаў// Наша вера. 2000. №2.
6. Глухов А. “В лето 1037...”. М., 1974.
7. Голенищев-Кутузов И. Итальянское Возрождение и славянские литературы XV — XVI веков. М., 1963.
8. Граля И. «Мы с вами — один народ»//Родина. 2006. №4.
9. Грушевський М. Історія украінскай літаратуры. К., 1995. Т.5, Кн.1.
10. Грыцкевіч А. Леў Сапега// Славутыя імяны Бацькаўшчыны. Мн., 2000. Вып.1.
11. Давыдоўскі У. Саюз Беларусі і Расіі. Сем прыступак Льва Сапегі (статья помещена на сайте <http://3force.info/public.htm>)
12. Данилов В. История распространения католичества в русских землях до 1917 года (книга помещена на сайте <http://www.agnuz.info/book/php?id=411&url=page05.htm>)
13. Дубатоўка В. Архіпелаг Сапегаў. Мн., 2002.
14. Жлутка А. Ад місіі Апостала Андрэя да пантыфікату Яна Паўла II //Наша Вера. 2006. №4.
15. Ильин А. Пахомий Логофет, Дмитрий Траханиот, Андрей Римша — авторы «Повести временных лет» //Гістарычная Брама. 2003. № 1.
16. Кавалёў С. Нядзейсненая унія (паводле дыярыуша Гальяша Пельгрымоўскага)// Unia brzeska. Krakow, 1994.
17. Коялович М. Чтения по истории западной России. Мн., 2004.
18. Кралюк П. Духовні пошукі Мелентія Смоліцкага. К., 1997.
19. Падокшын С. Беларуская думка ў кантэксте гісторыі і культуры. Мн., 2003.
20. Падокшын С. Іпацій Пацей. Мн., 2001.
21. Пануцэвіч В. Сьвяты Язафат. Полацак, 2000.
22. Праневіч Г. Вялікі канцлер Вялікага княства// Брестскі кур’ер. 2003. № 47.
23. Радзінскі Э. Кровь и призраки русской Смуты. М., 1999.
24. Решетар Н. Орбини Мавр// Народна Енциклопедыя српско-хрватско-словеначка. Загреб, 1928. Кн.3.
25. Саверчанка І. Апостал яднання і веры. Мн., 1994.
26. Саверчанка І. Брэсцкая царкоўная унія 1596 года // Беларускі гістарычны часопіс. 2006. № 12.
27. Саверчанка І. Канцлер Вялікага Княства. Мн., 1992.
28. Соловьёв С. Сочинения в 18 книгах. М., 1989. Кн. 4.
29. Стеллецкий И. Мертвые книги в московском тайнике. М., 1993.
30. Тварановіч Г. Беларуская літаратура: Паўднёваславянскі кантэкст. Мн., 1996.
31. Тристан В. (Трещанович В.) История возникновения Берёзовского кляштора картузов (статья помещена на сайте <http://www.brestregion.com/cgi-bin/brama/config.pl?read=5>).
32. Туровіч Г. Леў Сапега вачыма Эдварда Радзінскага // Наша Ніва. 2000. № 12.
33. Тымовский М., Кеневич Я., Хольцер Е. История Польши. М., 2004.
34. Хадыка А. Сьвяты Язафат Кунцэвіч: складанне культуры і іканаграфіі ў Беларусі // Наша Вера. 2006. № 2.
35. Чалоян В. Восток-Запад. М., 1979.
36. Чаропка В. Уладары Вялікага княства. Мн., 1996.
37. Чаропка В. Царскі тытул — за славянскае адзінства // Беларуская мінуўшчына. 1996. №4.
38. Чижевський Д. Філасофскі творы. К., 2005. Т. 1.
39. Чубатий М. Історія хрысціянства на Русі-Україні. Рим-Нью-Йорк, 1965. Т.2.
40. Шкялёнак М. У трохсотыя ўгодкі смерці вялікага канцлера Льва Сапегі // Спадчына. 1991. № 1.
41. Nawryluk J. Sapiehowie — pierwszy podlaski wojewoda i jego następcy // Над Бугом и Нарвою. 2006. № 4.
42. Kognowicki K. Zycia Sapiechów y listy od Monarchów, ksaząt y roznnych panujacych do tychze pisane. Wilna, 1790. Т. 1.
43. Леод. Яснавельможны пан Леў Сапега. Гомель, 2001.
44. Lulewicz H. Sapieha Lew // Polski Słownik Biograficzny. 1994. Т. XXXV/1, Zeszyt 144.
45. Popowska M. Rys dziejów kartuzji bereskiej w latach 1648-1831. Wilno, 1938.